18+

Лиана Галимова

Колыбель Нила

Лиана Галимова

Колыбель Нила

«Издательские решения»

Галимова Л.

Колыбель Нила / Л. Галимова — «Издательские решения»,

Река забрала её жизнь, но Царица вернула её обратно. Теперь в Древнем Египте за чудо придется платить. Спасенная Нехбет должна отдать свою жизненную силу наследному принцу Семерхету у Истока великой реки.Они отправляются в путь на рассвете: смертная девушка и умирающий принц. Они верят, что идут спасать династию, но не знают страшной правды. Это паломничество — жестокая игра богов. В конце дороги их ждет не исцеление, а жертвенный алтарь бога хаоса Сета.

© Галимова Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Дар Итеру 6
Глава 2. Золотая клетка 9
Глава 3. Одна клетка на двоих 13
Глава 4. Город Золотых Песков 17
Глава 5. Посланец Дешрет 20
Глава 6. Первый зов Теней 23
Глава 7. Призрачные земли 28
Глава 8. Испытание душ 33
Глава 9. Там, где кончается свет 39
Глава 10. Воды Изначальные и Свет Истины 45
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Колыбель Нила

Лиана Галимова

Иллюстратор Лиана Галимова

© Лиана Галимова, 2026
© Лиана Галимова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5395-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дар Итеру

Небо на востоке только начинало сереть, разбавляя ночную чернильную тьму. Великий Нил, кормилец и убийца, спал, укрытый плотным одеялом тумана. Было тихо, так тихо, что треск сухих веток в костре казался оглушительным.

— Спи, мое дитятко, спи, мой малыш… — песня лилась не голосом, а стоном, вплетаясь в шум прибрежного тростника. — Пусть сон твой тянется, как эта река…

Нехбет не чувствовала холода, хотя утренняя роса уже остудила песок. В её руках был глиняный сосуд, ещё хранящий последнее тепло. Всё, что осталось от маленькой жизни.

Она шагнула в воду. Нил встретил её ледяным спокойствием. Вода коснулась лодыжек, коленей, холодом пробираясь к самому сердцу, которое, казалось, уже перестало биться.

— Солнце восходит и придаёт нам сил, Итеру же молчит… — шептала она, глядя, как первый луч бога Ра, кроваво-красный и безжалостный, прорезает горизонт.

День начинался. Мир просыпался для жизни. Но для неё мир закончился вчерашней ночью.

Нехбет разжала пальцы. Глиняный горшок выскользнул и без всплеска исчез в мутной глубине. Течение подхватило пепел, унося его к предкам.

— О Великий! Пошли же мне знак! — крикнула она в пустоту, и эхо испуганной птицей метнулось над водой. — Забери его! Дай его душе то, что не смогла дать я… Дай же ему то, чего у меня больше нет!

Река молчала. Только вода мягко толкала её в бедра, словно приглашая. Нехбет закрыла глаза. Она сделала вдох — последний глоток воздуха, пахнущего илом и горем, — и шагнула вглубь, туда, где дно резко обрывалось вниз.

Воды Итеру сомкнулись над её головой, отрезая звуки, свет и боль. Течение, сильное и властное, подхватило легкое тело, закружило его, как сухой лист, и понесло прочь от родного берега, вниз по реке, туда, где золотые купола дворца блестели под набирающим силу солнцем.

***

К полудню жара стала невыносимой. Воздух дрожал над водой, искажая очертания пальм на том берегу.

В священной заводи дворцового сада было спокойнее. Здесь пахло цветущим лотосом и дорогими благовониями. Царица Бетреш опустила ладони в воду, смывая пот с лица, но прохлада не приносила облегчения. Её душа горела в лихорадке, такой же, какая сжигала её сына в царских покоях.

— Даруй ему жизнь… — шептали её губы, повторяя молитву в тысячный раз. — Что же ты так со мной, Великий? За что отнимаешь единственного?

Она подняла заплаканные глаза и замерла.

В густых зарослях папируса, запутавшись в жестких стеблях, что-то темнело. Сначала царице показалось, что это лишь почерневшая коряга, принесенная течением. Но затем она

увидела руку. Бледную, почти прозрачную кисть, безжизненно лежащую на широком листе лотоса.

— Стража! — крик Бетреш разорвал сонную тишину сада. — Сюда! Немедленно!

Вода с тяжелым плеском вспенилась — стражники кинулись вброд, разбрызгивая ил. Обмякшее тело вытащили на раскаленные от солнца камни набережной. Девушка была мертвенно-бледна, её длинные мокрые волосы облепили лицо, словно тяжелая темная сеть.

Жрец-целитель, прибежавший на крик, упал на колени и прижался ухом к её груди. Тишина. Он с силой надавил на ребра. Раз. Другой.

Вдруг тело судорожно выгнулось. Девушка содрогнулась, извергая мутную речную воду, и сделала первый, хриплый, мучительный вдох.

Бетреш отступила на шаг, прижав ладонь ко рту. В её голове, заглушая шум крови, звучали слова старой легенды: *«Живая душа умирающую спасет. И Итеру священный благословит умирающую душу, да и оживёт она, умертвив ту живую…»*

Сама река бросила эту девушку к ногам матери умирающего принца. Это не могло быть случайностью. Это был ответ.

***

Тронный зал был погружен в полумрак, лишь узкие полоски света падали сквозь высокие окна, выхватывая из темноты золотые маски на стенах. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным ладаном и властью.

Фараон и царица восседали на возвышении. Они казались не людьми, а статуями, высеченными из камня.

Внизу, на коленях, дрожала спасенная девушка. Ей дали сухую одежду, но её все ещё била крупная дрожь — не от холода, а от животного ужаса перед величием тех, кто смотрел на неё сверху.

Царь подался вперед. Его взгляд, тяжелый, как каменная плита, пригвоздил девушку к полу.

— Скажи свое имя, дитя.

— Нехбет… — едва слышно выдохнула она, склонив голову так низко, что лоб коснулся холодного пола.

— Нехбет. Знаешь ли ты, что ты была спасена моей Царицей? Знаешь ли, кому обязана своим дыханием?

Она молчала.

— Я расскажу тебе легенду, — голос Фараона стал громче, отражаясь от стен. — Жизнь, которую река забрала, но вернула по воле царской крови, более не принадлежит тебе.

Бетреш, сидевшая рядом, намертво сжала подлокотники трона. В её глазах застыл нездоровый блеск.

— Узри и ты, и все, кто тут стоит! — провозгласил Фараон. — Отныне твоя жизнь, которую мы вырвали у священной реки Итеру, принадлежит моему сыну Семерхету. Ему осталось видеть восход Великого Солнца лишь двадцать раз. Но ты… ты станешь его спасением.

Нехбет подняла глаза. В них не было страха смерти. Там была лишь пустота той, кто уже перешагнул черту.

— Ты готова исполнить предначертанное? — спросил Царь.

— Царица, вы даровали мне новую жизнь… — её голос был тихим, ровным, словно шелест песка. — Так гласит легенда. Значит, я дарована вам. Я готова. Я сделаю всё, что требуют от нас Боги. Отныне моя жизнь принадлежит вашему сыну.

Фараон скривил губы. Он видел в этом покорность рабыни, но ему было плевать на её чувства. Главное — результат. Он резко встал, и его тень накрыла Нехбет.

— Раз так, то сын мой будет жить! А ты отдашь ему свою жизненную силу у Истока, там, где начинается Итеру! — закричал он, и голос его сорвался на визг фанатика. — Пусть все узрят это! Пусть гонцы несут весть во все концы наших земель! Пусть немедленно готовятся в путь!

Глава 2. Золотая клетка

Тишина в тронном зале была тяжелой, неестественной, словно воздух здесь превратился в камень, давящий на плечи. Нехбет стояла на коленях, не смея поднять глаз, и видела перед собой лишь гладкие плиты холодного алебастра. Рядом с подолами расшитых золотом одеяний придворных её грязные, сбитые в кровь ступни казались оскорблением этому месту.

Она ждала приговора. Сердце билось где-то в горле, гулким эхом отдаваясь в ушах. Она искала смерти в темных водах Итеру, молила о покое, но её безжалостно вырвали из воды и бросили на эти каменные плиты, лишив даже права умереть.

Правитель уже отдавал приказы о сборах, когда его взгляд снова упал на сжавшуюся фигуру.

— Она смердит тиной и гнилью, — брезгливо бросил он, отворачиваясь. — Недопустимо, чтобы сосуд Жизни, дарованный самим Хапи, выглядел как кусок грязи. Умойте её!

— Она несет на себе печать великой реки, мой повелитель, — мягко, но с непререкаемой властью ответила царица Бетреш. — Я сама прослежу за тем, чтобы её подготовили к дороге. Встань!

От этого холодного приказа Нехбет попыталась подняться. Дрожащие руки скользили по каменным плитам, ноги не держали. Не дожидаясь, пока она упадет снова, две сильные служанки подхватили её под мышки. Они поволокли её прочь из тронного зала, словно жертвенное животное, следуя за мерным шагом царицы.

Дальше потянулись бесконечные коридоры. Глаза нарисованных богов следили за ней со стен, взвешивая её душу еще до того, как она предстала перед Инпу. Когда тяжелые кедровые двери со скрипом распахнулись, Нехбет обдало густым, теплым паром, пахнущим лотосом и дорогими маслами.

Царская купальня. Святая святых женской половины дворца.

Здесь царил таинственный полумрак, разгоняемый лишь мерцанием десятков масляных светильников, расставленных в нишах. Стены были облицованы блестящими фаянсовыми изразцами цвета лазурита, создавая иллюзию ночного неба или морской глубины. В центре зала, в углублении, дымился бассейн. Вода в нем была не темной и страшной, как в Итеру, а прозрачной, маслянистой, пахнущей сандалом, лотосом и чем-то еще — терпким и невероятно приятным.

— Разденьте её, — приказала Бетреш, опускаясь на низкое ложе, застеленное леопардовыми шкурами. В её унизанной перстнями руке тускло блеснула золотая чаша с вином. — Смойте с неё реку. Смойте с неё прошлое. Оставьте только имя Нехбет, чтобы мы знали, как звать ту, что отдаст свою жизнь за наследника Двух Земель.

Служанки, не проронив ни слова, сорвали с Нехбет грубую, высохшую на солнце одежду. Ткань затрещала и упала к ногам грязной тряпкой. Девушка поежилась, обхватив себя руками за плечи, чувствуя себя обнаженной не только телом, но и душой. Её подвели к воде и жестко погрузили в тепло.

Вода обняла её, ласковая, плотная и мягкая. Нехбет закрыла глаза, подавляя всхлип. Ей казалось, что она снова тонет, но теперь это было сладкое, дурманящее погружение. Чьи-то сильные руки начали растирать её кожу жесткими волокнами и очищающей пастой из натрона. Они терли беспощадно, до красноты, словно хотели содрать вместе с грязью, илом и песком всю её прошлую жизнь, все её горести и воспоминания.

Бетреш наблюдала за ней поверх края чаши, как хищная птица наблюдает за движением в траве. Царица сделала медленный глоток — густое темное вино оставило на её губах кровавый след.

— Ты искала смерти, дитя? — спросила она. Голос царицы звучал тягуче, обволакивая сознание. Вопрос не требовал ответа. — Но смерть отвергла тебя. Выбросила на берег, отказавшись принять. Значит, ты принадлежишь не ей. Теперь ты принадлежишь мне. И моему сыну.

Одна из служанок, повинуясь кивку хозяйки, зачерпнула вина из кувшина и поднесла к губам Нехбет.

— Пей

Это было вино, какого Нехбет никогда не пробовала. Не густое пиво бедняков, а напиток богов — терпкий, пряный, горячий. Он обжег пересохшее горло, ударил в голову, мгновенно разгоняя кровь, застывшую от ужаса. Нехбет закашлялась, капли вина потекли по подбородку, смешиваясь с водой купальни. Тепло разлилось по груди, и вместе с хмелем в неё вливалась чужая, подавляющая воля.

— Твоя прежняя жизнь осталась на дне реки, — продолжала царица, вставая и подходя к самому краю каменной купели. Она смотрела на Нехбет сверху вниз, и в её густо подведенных сурьмой глазах не было ни капли жалости, только холодный расчет. — Наследник умирает. Его Ка, его жизненная сила, слабеет с каждым вздохом, утекает, как песок сквозь пальцы. Твоя же Ка переполнена дикой мощью реки. Ты выжила там, где гибнут самые сильные воины. Мы перельем твою жизнь в него. Капля за каплей.

Бетреш с размаху поставила пустую чашу на столик с резким металлическим стуком, заставившим Нехбет вздрогнуть.

— Омойте её, — приказала царица. — Она должна распуститься, словно белый лотос на рассвете, прежде чем мы выжмем из него всю жизнь. Ни следа речного ила, ни единого грубого шрама.

Царица резко развернулась. Шаги её мягких кожаных сандалий по каменному полу звучали гулко, словно удары судьбы. Этот звук эхом отражался от влажных стен, удаляясь всё дальше, пока не стих за тяжелыми дверями, оставив Нехбет в полной власти безмолвных служанок.

Оставшись одни, женщины принялись за дело с удвоенным усердием. Нехбет позволила им делать с собой всё, что угодно. Воля к сопротивлению растворилась в вине и горячей воде. Её кожу натерли драгоценными маслами с ароматом горького миндаля и мирры, пока она не стала бронзовой, гладкой и сияющей. Ей расчесали спутанные волосы костяными гребнями, умастили их жиром, пахнущим голубым лотосом, и заплели в сложные косы. Наконец, на

неё надели тончайший калазирис — полупрозрачное платье из беленого льна, которое стоило больше, чем жизнь простолюдина.

— Иди, — подтолкнула её в спину старшая служанка, когда приготовления были закончены. — В сад, что зовем мы Жизнью. Он там. И помни: ты не говоришь, пока тебя не спросят. Ты не смотришь, пока тебе не позволят.

Дворец подавлял своим величием. Огромные колонны, похожие на связки папируса, уходили ввысь, теряясь в тенях потолка, расписанного золотыми звездами. Казалось, здесь даже воздух был другим — мертвым, каменным, пропитанным ладаном.

Но сад… Сад был иным.

Он встретил её душным, влажным ароматом и оглушительным звоном цикад. Это был оазис, созданный волей человека вопреки пустыне. Вдоль идеально ровных дорожек, посыпанных белым песком, росли священные сикоморы с раскидистыми кронами и стройные финиковые пальмы, чьи листья тихо шелестели на ветру. В воздухе висел сладкий, пьянящий запах цветущей акации и мандрагоры.

В центре сада располагался прямоугольный пруд, выложенный голубой плиткой. По водной глади скользили широкие листья кувшинок.

У самой кромки воды, в тени старого тамариска, сидел статный мужчина.
Принц Семерхет.

Он сидел сгорбившись, безучастно глядя на свое отражение. Казалось, он вообще не здесь, не в этом мире. Его тонкие, бледные пальцы лениво крошили сухую лепешку в воду, но взгляд был устремлен куда-то сквозь стайку пестрых рыб, сквозь мозаичное дно, прямо в чертоги царства мертвых. Он не был похож на могучего воина или гордого наследника. Он был хрупок, словно вырезан из слоновой кости, и в этой хрупкости сквозила болезненная, увядающая красота.

Нехбет замерла, боясь сделать вдох. Она никогда в жизни не видела ничего подобного — ни этого сада, похожего на сон, ни человека, который казался частью этого великолепия, таким же дорогим и таким же одиноким.

Её босые ноги утопали в мягкой, влажной земле, густо поросшей пряными травами. Она сделала шаг, другой. Ветка хрустнула под ногой, но он даже не шелохнулся. Он не ждал никого. Ему было все равно.

— Здесь так красиво… — слова вырвались у неё сами собой, тихим, дрожащим от восторга и страха шепотом. Она забыла наставления служанки. — Я не думала, что на земле бывает такое место.

Семерхет медленно, словно преодолевая огромную тяжесть, повернул голову. Его глаза, неестественно огромные на исхудалом лице, густо подведенные сурьмой, скользнули по ней без всякого интереса. Он смотрел на неё не как мужчина на женщину, а как скульптор смотрит на кусок глины или как больной смотрит на очередное горькое снадобье.

— Красиво? — его голос был сухим, бесцветным, похожим на шелест песка. — Ты видишь красоту, потому что твои глаза привыкли к грязи. А я вижу лишь клетку. Только прутья у неё из золота и цветов, а стражи носят короны.

Он отвернулся обратно к пруду, мгновенно потеряв к ней интерес.

— Ты очередная знахарка? — бросил он в пустоту. — Или новая жрица, пришедшая петь молитвы над моим ещё теплым трупом? Матери всё не терпится испробовать новое средство.

Нехбет подошла ближе, забыв о страхе. В его абсолютном, ледяном равнодушии было что-то, что притягивало её, что-то родное. Отчаяние.

— Я не знахарка и не жрица, — тихо ответила она. — Я та, кого река вернула обратно, мой господин. Вы говорите о клетке… Но для тех, кто рожден в грязи и пыли, ваши золотые прутья — это врата в Поля Иалу. Свобода умирать от голода — слишком страшная цена за то, чтобы не носить корон.

Семерхет усмехнулся, и эта улыбка скривила его губы горечью, черной, как полынь.

— Поля Иалу… — повторил он, пробуя слова на вкус. — Какая ирония. Ты хотела умереть, но тебя вытащили за волосы, чтобы продлить мою агонию. А я хочу жить, я жажду сделать вдох без боли, но мое тело рассыпается в прах, предавая меня каждую секунду. Боги смеются над нами обоими, девочка из тростника. Слышишь их смех в шелесте листьев?

Он бросил последний кусок лепешки в воду. Рыбы тут же накинулись на корм, яростно вспенивая идеальную, зеркальную гладь пруда, разрушая покой.

— Садись, — бросил он, не глядя на неё, и жестом указал на прохладные каменные плиты рядом с собой. — Раз уж ты здесь, и раз уж ты, кажется, не собираешься твердить мне о воле богов… Посиди. Посмотри на эту золотую клетку, пока у тебя есть глаза, чтобы видеть её свет. Скоро сумерки, и демоны пустыни придут за нами обоими.

Глава 3. Одна клетка на двоих

Пробуждение было обманчиво мягким, словно черные воды реки наконец отпустили её, выбросив на теплый песок. Нехбет открыла глаза, по привычке сжимаясь в ожидании ледяного течения и острых камней, вспарывающих кожу. Но вместо этого над ней колыхался балдахин из тончайшего льна, расшитый золотыми пчелами и цветами лотоса.

Воздух был тяжелым, душным от густого аромата смол, мирры и голубого лотоса — так пахли алтари богов и залы бальзамировщиков. Тишина звенела в ушах, словно пески пустыни в полдень.

«Я мертва», — пронеслась первая мысль, на удивление спокойная и ясная. — «Черный Шакал пришел за мной в пучине. Моя душа покинула тело и улетела к Неразрушимым Звездам Запада, где больше нет ни боли, ни темной воды».

Она приподнялась на локтях. Её тело, еще вчера избитое камнями и истерзанное жадным течением, больше не ныло. Кожа была неестественно гладкой, щедро умащенной священными маслами, словно подготовленная к вечному сну, и укрытая белыми одеждами. Она провела ладонью по ложу — ткань была прохладной, как утренняя гладь реки, под которой таятся крокодилы.

— Значит, Владыка Инпу уже взвесил мое сердце на своих весах, — прошептала она пересохшими губами. — И оно оказалось легче пера Истины…

— Твое сердце все еще бьется в мире живых, Нехбет. И оно больше не принадлежит тебе, — разрезал тишину голос, вдребезги разбивая иллюзию покоя.

В дверях стояла служанка, которая вчера безжалостно растирала её окоченевшее тело до красноты.

— Вставай. Царица ждет.

Реальность обрушилась на неё тяжестью каменного свода. Это был не рай. Это была золотая клетка, о которой говорил принц.

***

Покои царицы Бетреш напоминали святилище. Окна были завешены плотными тканями, не пропускающими зной, и лишь мерцание масляных ламп выхватывало из полумрака статуи богинь-защитниц.

Царица сидела на низких подушках, и сейчас, без свиты и яркого света, она казалась старше и… уязвимее. В её глазах, обычно холодных, как драгоценные камни, застыла древняя, невыплаканная боль.

Она жестом велела Нехбет опуститься на ковры рядом с ней.

— Ты думаешь, почему я выбрала тебя? — начала Бетреш, не сводя взгляда с пламени масляного светильника. — Почему я, Великая Царская Супруга, доверила жизнь единственного сына безродной утопленнице?

Нехбет покачала головой, не смея ответить.

— Много лет назад я была такой же, как ты, — голос царицы стал глухим, словно она говорила сама с собой. — Сирота, чьих родителей забрал черный мор — дыхание гневной Сехмет. Я не знала, кто я, и жила милостью жрецов, пока Фараон не увидел меня. Он взял меня, совсем юную, не спрашивая согласия, и запер в этом дворце. Я была одна, окруженная золотом и ядовитой завистью гарема.

Бетреш с такой силой стиснула лежащий на груди золотой анкх, что его края болезненно врезались в ладонь.

— Когда родился Семерхет… О, это был день великого ликования для Обеих Земель и великого страха для меня. В первую же ночь, когда я качала колыбель, в покои вошел Некто. Я не видела его лица — оно было скрыто маской шакала, а может, это была сама тень. Он не был человеком.

Нехбет затаила дыхание. Воздух в комнате, казалось, стал холоднее.

— Он склонился над младенцем, — продолжала царица шепотом, от которого мороз шел по коже, — и произнес пророчество, ставшее проклятием: «Сын твой рожден для величия, но тень идет по его следам. Как только рука его окрепнет, чтобы удержать скипетр власти, а сердце познает любовь женщины, правосудие настигнет его. Он не сможет скрыться от кары богов за грехи отцов и будет убит».

Бетреш замолчала, переводя дыхание, словно эти слова физически душили её.

— Я молила, я предлагала свою жизнь взамен. И тогда Тень ответила: «Лишь душа, отвергнутая смертью, может обмануть судьбу. Жизнь, вырванная у Итеру, станет щитом».

Она резко повернулась к Нехбет и схватила её за руку. Пальцы царицы были ледяными.

— Ты — мой ответ, Нехбет. Ты та, кого река забрала, но вернула. Двадцать семь лет я ждала этого знака. Двадцать семь лет я смотрела, как мой сын угасает, зная, что каждый день приближает его к концу. Ему осталось двадцать восходов солнца до коронации. И до смерти. Если мы не проведем ритуал.

— Я готова, — тихо ответила Нехбет. — Моя жизнь пуста. Если она может стать щитом для другой… берите.

Царица кивнула и поднялась.

— Идем. Нас ждут.

***

Они спускались долго, по лестнице, выбитой прямо в толще скалы под дворцом. Воздух здесь был спертым, пахло сыростью, затхлой землей и старым ладаном. С каждым шагом тьма сгущалась, давя на плечи.

Они вышли в круглую залу с низким потолком. Стены были глубоко испещрены защитными иероглифами, заполненными красной киноварью — в неверном свете факелов казалось, что знаки пульсируют, словно живые раны. В центре стоял черный обсидиановый алтарь.

Там уже ждали двое.

Они вышли в круглую залу с низким потолком. Стены были глубоко испещрены защитными иероглифами, заполненными красной киноварью — в неверном свете факелов казалось, что знаки пульсируют, словно живые раны. В центре стоял черный обсидиановый алтарь.

Рядом с алтарем возвышалась фигура в черном одеянии. Это был не обычный жрец в белом льне. Этот человек был закутан в плотную черную ткань, глубокий капюшон полностью скрывал его лицо, оставляя видимым лишь жесткий, волевой подбородок.

— Это Камен, — представила его Бетреш. В её голосе звучало странное почтение. — Он будет проводником.

Мужчина медленно повернул голову. Он не произнес ни слова, лишь едва заметно кивнул. Ему было около двадцати восьми лет — ровесник Семерхета, но от него исходила сила, древняя и пугающая, словно он прожил сотни жизней среди песков.

— Когда-то он бегал по нашим садам вместе с моим сыном, — прошептала царица на ухо Нехбет, пока они подходили ближе. — Они были неразлучны. Но потом Камен исчез. Он ушел в пустыню искать истину, которую не преподают светлые жрецы Ра. Он вернулся лишь недавно, овладев Хека — первозданной магией.

Нехбет взглянула на Семерхета. Принц смотрел на своего друга детства странным взглядом — в нем мешались узнавание, тоска и страх. Камен же оставался неподвижен, как изваяние из тени

Проводник сделал жест рукой, приглашая их к алтарю. Его движения были скупыми и резкими.

— Начнем, — сухо бросил он. Голос его был низким, лишенным эмоций, как треск сухого дерева в огне.

Семерхет неохотно подошел к камню. Нехбет встала напротив. Между ними, как вестник самой Тьмы, встал Камен.

Он достал из складок черной одежды изогнутый нож, высеченный из матового черного кремня.

— Кровь к крови. Дыхание к дыханию, — произнес Камен. Это была не молитва, а приказ.

Он резко полоснул по ладони Семерхета. Принц даже не поморщился, глядя, как темные капли падают в каменную чашу на алтаре. Затем Камен повернулся к Нехбет. Она протянула руку, и холодный кремень обожгло кожу. Её кровь, яркая и живая, хлынула в чашу, смешиваясь с кровью принца.

Камен начал читать заклинание на древнем, забытом наречии, слова которого звучали как шипение пустынных гадюк и вой песчаной бури. Тени в зале задрожали, вытягиваясь к алтарю.

Нехбет почувствовала, как голова кружится. Ей показалось, что из чаши поднимается невидимая, обжигающая нить, намертво связывающая её с умирающим принцем.

— Теперь вы — одно, — произнес Камен, опуская капюшон чуть ниже, хотя его глаза и так были надежно скрыты тенью. — До последнего восхода.

Семерхет поднял взгляд на Нехбет. Впервые сквозь холодное безразличие в его глазах промелькнуло что-то живое. Не благодарность, нет. Горькое понимание того, что теперь они оба заперты в одной клетке, ключ от которой держит человек в черном.

Глава 4. Город Золотых Песков

Город Золотых Песков не спал. Казалось, весть о том, что принц отправляется к Истоку за исцелением, превратила улицы в бурлящий котел. Но народ не скорбел — народ ликовал, ибо жрецы объявили этот день днем милости богов.

Когда тяжелые дворцовые ворота отворились, на Нехбет обрушилась волна звуков и запахов. Били барабаны, обтянутые кожей гиппопотама, визжали тростниковые флейты, звенели систры. Воздух был плотным от пыли, запаха жареного мяса, пива и пота тысяч тел.

— Они празднуют, — раздался рядом спокойный, чуть насмешливый голос Семерхета. — Посмотри на них. Они думают, что я иду за чудом.

Принц шел рядом с ней. Сегодня на нем не было тяжелых церемониальных одежд. Простой походный хитон из дорогого льна открывал руки и плечи, и Нехбет впервые заметила, насколько он был красив. Болезнь истощила его, заострила черты лица, сделав их похожими на лик бога, высеченный из мрамора, но в движениях все еще угадывалась скрытая грация хищника. Золотые браслеты на его запястьях ловили солнечные лучи, но глаза оставались темными, как омуты.

Вокруг них кольцом шли стражники, копьями раздвигая толпу, создавая островок тишины в океане шума. Чуть позади, словно тень, скользил Камен. Его лицо по-прежнему скрывал капюшон, но толпа инстинктивно шарахалась от него, чувствуя исходящую от черной фигуры тяжелую ауру Хека.

— Разве вы не верите в чудо, мой господин? — спросила Нехбет, стараясь не отставать. Она с жадностью рассматривала город: лавки с пестрыми тканями, танцовщиц, извивающихся под ритм барабанов, детей, кидающих цветы под ноги процессии. Для неё это было похоже на сон.

Семерхет посмотрел на нее. В его взгляде промелькнул интерес — не к её телу, а к её наивности, такой чистой и редкой в этом мире.

— Чудеса — это сказки для тех, кто боится темноты, Нехбет, — ответил он, лениво махнув рукой приветствующей толпе. Жест был отточен годами, но в нем сквозила усталость. — Я устал от ритуалов. Всю мою жизнь меня мажут маслами, окуривают травами, читают надо мной свитки… Я как жертвенный бык, которого слишком долго ведут на убой. Иногда мне кажется, что смерть была бы честнее.

Он замолчал, глядя куда-то поверх голов людей.

— А знаешь, почему я согласился на этот путь? Не ради жизни. А ради того, чтобы увидеть мир за стенами дворца. Хотя бы раз. Вдохнуть настоящую свободу

Нехбет увидела, как его губы тронула едва заметная улыбка. Семерхет чуть повернул голову назад, встретившись взглядом с Каменом. Жрец ничего не сказал, его лицо оставалось бесстрастным, но в уголках его глаз, там, где залегли тени от капюшона, Нехбет заметила ответный проблеск. Это был немой диалог двух людей, знающих друг о друге то, что скрыто от

остальных. Камен чуть приподнял бровь, и Семерхет едва слышно хмыкнул, словно вспомнив какую-то старую, только им двоим понятную шутку из прошлого, когда они были просто мальчишками, бегающими по саду, а не наследником и жрецом.

— Твой друг… Он пугает меня, — призналась Нехбет, понизив голос.

— Камен? — Семерхет снова стал серьезным. — Он единственный в этом городе, кто не пытается получить от меня золото или власть. Он ищет истину. А истина часто бывает пугающей. Не бойся его. Пока я рядом, его Хекка тебя не тронет.

Они прошли через рыночную площадь. Люди бросали к их ногам пальмовые ветви. Нехбет вдруг почувствовала себя странно — она, простая девушка, шла рядом с сыном Солнца, и народ приветствовал её так же, как его. Это пьянило сильнее вина.

— Расскажи мне, — вдруг попросил Семерхет, когда шум немного стих. — Каково это — жить там, внизу? Сама добывать себе еду, не знать, наступит ли завтра? Ты была счастлива в своей нищете.

— Счастье не зависит от золота, господин, — тихо ответила она. — Я любила реку. Любила ветер в тростнике. Но страх голода… он съедает душу быстрее, чем болезнь.

Семерхет кивнул, словно ожидая такого ответа.

— Значит, мы похожи. Тебя съедал голод, а меня — пресыщение и ожидание конца. Мы оба узники, Нехбет. Просто клетки у нас разные…

Они подошли к вратам пустыни — огромной арке из желтого песчаника, за которой кончался город и начиналось бесконечное море дюн. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая пески в цвет крови и золота.

Караван был готов. Рабы суетились вокруг упрямых вьючных ослов, закрепляя на них тяжелые шатры и бурдюки с водой. Животные недовольно ревели, чувствуя долгий путь. Воины проверяли оружие.

У самых ворот царицу ждали открытые золотые носилки. Бетреш не плакала. Она стояла у их подножия прямая, как струна, сжимая в руках амулет в виде ока Гора.

— Идите, — сказала она, когда Семерхет подошел к ней. Она коснулась его щеки, затем перевела горящий взгляд на Нехбет. — Помни свой долг. Твоя жизнь — это его жизнь

— Я помню, Великая, — склонила голову Нехбет.

Высоко над ними, на широком балконе дворцовой башни, виднелась одинокая фигура. Фараон. Он не спустился проститься. Он стоял неподвижно, крошечный на фоне гигантских колонн, и смотрел вниз, как бог смотрит на муравьев. Ему было все равно, вернется сын или нет. Для него Семерхет уже был частью истории, строчкой в летописи.

— Пора, — произнес Камен. Это было первое слово, которое он произнес за весь день. Его голос прозвучал как удар камня о камень.

Семерхет шагнул к огромному паланкину из черного дерева, который держали на плечах двенадцать немых рабов. Камен бесшумно занял место в своих носилках, скрытых темными тканями. Нехбет помогли подняться в отдельный паланкин, замыкающий царскую процессию. Позади них выстраивался караван: сотни вьючных ослов и вереницы слуг, груженных тяжелыми шатрами и припасами.

Ворота со скрипом отворились…

Семерхет обернулся в последний раз. Не на дворец, не на отца. Он посмотрел на шумный, веселый Город Золотых Песков.

Глава 5. Посланец Дешрет

Пустыня не прощает слабости. Это Нехбет поняла уже к полудню. Солнце здесь было не милосердным божеством, дарующим жизнь, а расплавленным медным молотом, бьющим точно в темя. Город Золотых Песков окончательно утонул в дрожащем мареве за спиной, и теперь их мир сжался до узкой тропы посреди океана огня и песка, который, казалось, тихо шипел, словно потревоженная кобра.

Караван двигался мучительно медленно. Стражники, закутанные в плотные льняные ткани по самые глаза, хранили угрюмое молчание, экономя каждую каплю влаги в дыхании. Вьючные ослы ступали тяжело, их копыта тонули в раскаленной пыли, а мерный стук поклажи действовал на нервы сильнее, чем гомон торговцев на шумных пристанях Нила.

Вдруг Камен, шедший впереди своих носилок, чтобы лично осмотреть тропу, резко вскинул руку. Его высокая, сухая фигура, окутанная черным плащом, застыла, словно изваяние. В этом жесте было столько властности, что процессия замерла мгновенно.

Там, в тени сухих веток, лежал маленький комочек меха. Огромные, несоразмерные телу уши слабо подрагивали. Это был фенек — пустынный лис. Он был совсем крошечный, истощенный, и, похоже, отбился от матери. Зверек даже не пытался бежать; он лишь тяжело дышал, прикрыв глаза, ожидая конца.

Один из стражников усмехнулся:

— Оставьте падаль стервятникам, господин жрец. К вечеру он сдохнет.

Камен медленно повернул голову к стражнику. Под капюшоном сверкнули глаза.

— В пустыне каждая жизнь священна, ибо она — исключение из правила смерти.

Он достал кожаный бурдюк с водой, налил немного на ладонь и поднес к мордочке лисенка. Тот сначала не шевелился, но, почуяв влагу, слабо лизнул шершавым языком мокрую кожу. Жрец что-то прошептал — снова эти странные, гортанные звуки, от которых вибрировал сам воздух. Хекка. Древняя магия сорвалась с его губ. Камен погладил зверька между огромных ушей, и Нехбет показалось, что от его длинных пальцев во тьму капнул тусклый, серебристый свет. Лис вдруг открыл глаза, встряхнулся и, к удивлению, всех, неуверенно встал на лапы.

— Возьми его, — Камен подошел к паланкину Нехбет и протянул ей зверька. — Он легкий. Не утяжелит твой путь, но согреет душу.

Нехбет приняла теплый комочек. Лис тут же свернулся у неё на коленях, спрятав нос в пушистый хвост.

— Как мы назовем его? — спросила она, улыбаясь впервые за этот долгий день.

— «Ветер», — ответил Семерхет, подходя ближе. — Потому что он такой же неуловимый и живучий.

***

Вечер принес долгожданную прохладу. Небо, еще недавно белое от жара, теперь наливалось глубоким индиго, и на нем, одна за другой, вспыхивали мириады звезд — таких ярких, каких никогда не увидишь в городе.

Лагерь разбили в низине между дюнами, чтобы укрыться от ночного ветра. Трещал костер, пахло жареными лепешками и сладким чаем. Стража держалась поодаль, давая господам возможность побыть одним.

Нехбет кормила Ветра кусочками мяса, а зверек забавно фыркал, хватая еду. Камен сидел чуть в стороне, глядя на огонь, но теперь, в кругу света, он казался менее пугающим. Он снял капюшон, и ветер трепал его короткие черные волосы.

— Почему ты ушел? — вдруг спросила Нехбет, глядя на жреца. — Принц рассказывал в пути, ты был другом его детства. Зачем ты променял мягкие подушки дворца на этот песок?

Камен помолчал, вороша угли палкой.

— Дворец был такой же сиротской обителью для меня, как и хижина для тебя, — начал он, и его голос зазвучал неожиданно мягко, словно он рассказывал сказку. — Я не знал своих родителей. Я рос тенью принцева величия. Но однажды… мне приснился сон.

Семерхет, лежавший на ковре и глядевший в небо, повернулся к другу, внимательно слушая. Видимо, даже он не знал всей истории.

— Меня звали, — продолжил Камен. — Голос был не человеческий. Он звучал как шорох песка, как треск камней на ночном морозе. Это был Хонсу, Владыка Ночного Неба и Пожиратель Сердец. Он пришел ко мне во тьме лунного затмения и сказал, что моя сила — не в мече и не в свитках, а в Хекка — в первобытной магии, что течет под кожей этого мира. Я проснулся и понял, что стены дворца душат меня. Я ушел в ту же ночь.

Он обвел рукой бескрайние дюны, тонущие в темноте.

— Я скитался семь лет. Я учился читать следы ветра, находить воду там, где виден лишь камень. Пустыня стала моим домом. Я знаю, как поет бархан перед бурей и как молчит скорпион перед ударом. Я вернулся, потому что зов изменился. Теперь он вел меня к Семерхету.

Принц хмыкнул, и в его глазах заплясали отблески костра.

— Помнишь, как мы «скитались» раньше? — спросил Семерхет с улыбкой. — Когда нам было по десять лет. Мы сбежали через окно купальни, чтобы посмотреть на состязания борцов в Нижнем Городе.

Камен едва заметно улыбнулся уголком рта.

— Помню. Ты упал в чан с краской в квартале кожевников. Мало того, что ты был синим три дня, от тебя еще и несло тухлятиной и верблюжьей мочой так, что слуги падали в обморок!

— А ты порвал тунику и пытался заклеить её смолой, чтобы наставник не заметил! — рассмеялся принц. Смех был хриплым, но искренним. — Мы вернулись во дворец, грязные, вонючие, ободранные… Мать встретила нас в саду. Я думал, она прикажет нас выпороть.

— А она лишь вздохнула, — подхватил Камен, — и сказала: «Грязь можно смыть, но глупость въедается навечно. Идите мыться, герои». И дала нам фиников.

Они оба замолчали, глядя в огонь. Нехбет видела, как на мгновение исчезли титулы, исчезла магия и смертельная болезнь. Перед ней сидели просто двое мужчин, связанных памятью о времени, когда мир был простым и ярким.

— Хорошее было время, — тихо сказал Семерхет, и улыбка сползла с его лица, уступая место привычной тоске. — Жаль, что оно утекло, как вода.

— Вода возвращается дождем, — философски заметил Камен, снова накидывая капюшон. — Ложитесь спать. Завтра мы входим в земли тишины. Там даже ветер боится шуметь.

Глава 6. Первый зов Теней

Дни слились в тягучую, раскаленную бесконечность. Чем дальше караван уходил, тем страннее становилась пустыня. Золотистый, привычный глазу песок сменился серым, словно пепел остывшего костра. Дюны здесь не перекатывались мягкими волнами, а вздымались острыми, ломаными гребнями, напоминая хребты гигантских, давно умерших чудовищ.

Но страшнее всего была тишина. Она давила на уши, плотная и вязкая. Здесь не пели птицы, не стрекотали насекомые. Даже ветер, поднимая вихри пыли, не выл, а лишь беззвучно толкал путников в спину. Фенек Ветер, обычно любопытный, теперь не высовывал носа из складок одежды Нехбет, мелко дрожа. Ослы ступали осторожно, прядая длинными ушами, их темные глаза были расширены от животного ужаса.

Семерхет ехал молча, ссутулившись на спине своего осла. Еще пару дней назад, когда серые дюны стали слишком крутыми, а песок — вязким, ему и Камену пришлось покинуть свои паланкины. Теперь изможденные носильщики несли лишь носилки Нехбет — драгоценный живой сосуд требовалось сберечь любой ценой. Казалось, эта мертвая тишина высасывала из принца последние силы быстрее, чем болезнь.

— Почему здесь так тихо? — шепотом спросила Нехбет, не в силах больше терпеть это безмолвие. Её собственный голос прозвучал глухо, словно она говорила под водой. — Даже песок не шуршит под копытами.

Камен придержал своего крупного вороного осла. В неизменном черном плаще жрец казался мрачной тенью на фоне пепельных песков. Он выглядел напряженным, его взгляд скользил по вершинам серых дюн, выискивая невидимую угрозу.

— Мы вошли в Земли Тишины, — произнес он, не оборачиваясь. — Это шрам на теле мира, Нехбет. Древние свитки говорят, что тысячи лет назад здесь произошла битва богов с тем, что не имеет имени. Столько божественной крови пролилось в этот песок, что сама земля оглохла и онемела от боли.

Он повернулся к спутникам, и лицо его было мрачным.

— Здесь законы мира истончаются. Здесь нет эха. Молитвы здесь не слышны небесам. Это место, где реальность зыбка, как мираж. Все, что вы увидите или услышите здесь — может быть правдой, а может быть ловушкой вашего разума. Держитесь ближе друг к другу. И что бы ни случилось — не откликайтесь, если услышите знакомые голоса из пустоты.

Земли Тишины не просто молчали — они слушали. Казалось, сам воздух здесь, серый и неподвижный, был соткан из тысяч невидимых ушей, ловящих каждый вдох, каждый удар сердца. Песок под копытами вьючных ослов и мозолистыми ногами носильщиков был не золотым, как у родных берегов Итеру, а мертвенно-бледным, похожим на прах сожженных костей.

Лицо Семерхета, обычно скрывающее эмоции под маской царственного безразличия, теперь было открытым и уязвимым. Боль, живущая в его груди, отступила на время, уступив место странной, лихорадочной ясности.

Он повернул голову к паланкину, где покачивалась Нехбет. Девушка смотрела на горизонт пристальным взглядом, прижимая к груди спящего фенека.

— Нехбет, — негромко позвал принц. В этой ватной тишине его голос прозвучал неестественно громко. — Скажи мне… что ты помнишь о своей жизни до? До того, как попала во дворец?

Девушка вздрогнула, словно проснувшись от сна. Она перевела взгляд на принца.

— До? — переспросила она, и на её лбу пролегла тонкая морщинка усилия. — Я помню… тяжесть. Помню бесконечную работу. Глину под ногтями.

— А семью? — Семерхет пытливо вглядывался в её черты. — У тебя были дети или братья? Родители? Жрецы говорили, что нашли тебя на берегу, полубезумную, шепчущую чьё-то имя.

Камен, ехавший чуть впереди, не обернулся, но его спина под плотной тканью черного плаща напряглась. Он слушал. Его вороной осел прядал ушами, нервно переступая через гребни серых барханов.

Нехбет закрыла глаза. Она попыталась заглянуть в темный колодец своей памяти, но там, в глубине, стоял густой туман.

— Нет… — прошептала она неуверенно. — Я не помню детей, семью, родителей. Я не помню огня, о котором шептались служанки. Я помню только… воду.

Ее голос стал тихим, вибрирующим от пережитого ужаса, который она не могла осознать до конца.

— Я помню холод. Темный, обволакивающий холод Итеру. Вода была повсюду. Она входила в горло, в легкие, но не убивала, а звала. Она тянула меня вниз, в ил, в темноту, где живут рыбы, не знающие света. Я тонула, мой господин. Я точно знаю, что я умерла там, в реке. Вода забрала меня. А потом… потом я открыла глаза на песке, и надо мной стояли ваши стражники.

Семерхет переглянулся с Каменом. Жрец по-прежнему молчал, но его пальцы, сжимающие поводья, побелели. Он знал правду — правду о священном безумии, о жертве, принесенной в огне, которую разум Нехбет милосердно стер, оставив лишь ощущение водной бездны. Но он промолчал. Некоторые двери лучше не открывать.

И в этот момент мир изменился.

Сначала исчезли тени. Солнце, висящее в зените, вдруг подернулось мутной пеленой, словно глаз мертвеца катарактой. Серый песок под ногами начал куриться, поднимаясь вверх тонкими струйками, хотя ветра не было.

Семерхет вдруг схватился за голову. Крик застрял у него в горле, превратившись в сдавленный хрип.

— Он здесь… он пришел… — выдохнул принц, сползая на песок.

Он рухнул, свернувшись клубком, и Нехбет, вскрикнув, выпрыгнула из паланкина, бросившись к нему.

— Господин! Что с вами?!

Его глаза были широко распахнуты, и в них плескался первобытный ужас. Он видел то, чего не видели другие.

Для стражников и Нехбет пустыня была пуста. Но для Семерхета, стоящего одной ногой в Дуате, барханы ожили. Из серого марева, из трещин в пространстве, к нему тянулись длинные, изломанные тени. Они не падали от предметов — они существовали сами по себе. Высокие, безликие фигуры в лохмотьях мрака.

— Уходи! — кричал Семерхет пустоте, закрываясь руками. — Еще не время! Ты обещал мне срок!

— Встать в круг! — голос Камена ударил как гром.

Жрец спрыгнул со своего вороного осла. Его лицо, обычно спокойное, исказилось от напряжения. Он чувствовал Его. Того, кто ходит по пятам за проклятыми. Холод, исходящий от сущности, пробирал до костей сквозь жару пустыни.

Ветер ударил внезапно. Это была не просто буря — это был гнев самой земли. Серый песок взвился стеной, закрывая небо. Видимость исчезла мгновенно. Вой ветра напоминал стоны тысяч грешников.

— Защищайте Принца! — заорал начальник стражи, выхватывая тяжелый медный топор.

Но сражаться было не с кем.

Один из воинов вдруг замер. Его глаза остекленели, он выронил копье и, словно марионетка с перерезанными нитями, шагнул прямо в вихрь.

— О, великие Боги… — прошептал он и исчез в серой мгле. Через секунду ветер выплюнул его тело — иссушенное, словно мумия, пролежавшая в песках века.

Второй стражник упал на колени, хватаясь за горло, из которого хлестала не кровь, а черный песок. Буря пожирала их. Земли Тишины брали свою плату.

— Хекка! — взревел Камен.

Он встал над лежащим Семерхетом и прижавшейся к нему Нехбет. Жрец вскинул руки, и полы его черного плаща затрепетали, как крылья ворона. Он начал говорить, но это был не язык людей. Это были гортанные, резкие звуки, от которых вибрировали зубы. Слова власти. Слова, которыми боги творили мир.

Вокруг Камена воздух начал сгущаться. Золотые иероглифы вспыхнули прямо в воздухе, выжигаясь в пространстве. Анкх. Джед. Уас. Символы жизни, стабильности и силы. Они закружились хороводом, создавая полупрозрачный купол, отсекающий ярость бури.

— Он пришел за ним! — прокричал Камен, стараясь перекричать вой ветра. Его глаза светились потусторонним фиолетовым светом. Пот градом катился по его лицу. — Держи его, Нехбет! Не дай ему уйти в тень! Я не удержу барьер вечно!

Семерхет бился в конвульсиях. Его душа рвалась из тела, притягиваемая магнитом смерти. Тени, которые видел только он, уже просочились сквозь песок внутрь круга. Костлявая рука, сотканная из мрака, тянулась к сердцу принца.

Камен сделал резкий жест, словно разрубая невидимую нить. Из его ладоней вырвался сноп ослепительно-белого света. Ударная волна магии отбросила тень назад.

— Ты не получишь его сегодня! — промолвил жрец. — Именем Ра, я закрываю врата!

Снаружи купола бушевал ад. Крики последних стражников затихли. Остались только они трое и маленький лис, зарывшийся в складки платья Нехбет. Барьер Камена трещал под ударами черного ветра, но держался.

Постепенно, спустя, казалось, вечность, вой начал стихать. Тени растворились, втянулись обратно в серый песок. Семерхет перестал биться и затих, тяжело, со свистом втягивая воздух.

Жрец опустил руки. Иероглифы погасли. Камен пошатнулся и упал на одно колено, тяжело дыша. Магия выпила его силы.

— Ушел… — тихо произнес он. — На этот раз.

Вокруг царила смерть. Каравана больше не было. Вьючные ослы разбежались или погибли. Стражники стали частью барханов.

Нехбет сидела на песке, укачивая голову принца на своих коленях. Семерхет был бледен как полотно, его лоб горел, но он был жив. Он открыл глаза — мутные, полные страдания.

— Я видел… — прошептал он, сжимая руку девушки так, словно она была единственной нитью, удерживающей его в мире живых. — Я видел край… Там нет ничего. Только холод.

— Тише, мой господин, тише, — Нехбет гладила его по мокрым от пота волосам. Её сердце колотилось как пойманная птица, но руки были нежными и спокойными.

Солнце начало садиться, окрашивая страшную серую пустыню в багровые тона. Нужно было успокоить его, вернуть его разум из той бездны, куда он заглянул. И тогда, инстинктивно, повинуясь древнему женскому зову, она начала петь.

Это была не дворцовая песня. Это был напев, который матери в деревнях на берегу реки напевают своим детям, чтобы отогнать ночные кошмары.

— *Спи, дитя великой Реки,* — тихо запела она. Её голос, чистый и немного дрожащий, поплыл над мертвым песком, сплетаясь с остатками магии Камена.

— *Воды черные глубоки,*

Но Итеру тебя хранит,

Колыбель твою качнет гранит.

Семерхет смотрел на нее снизу вверх. Боль в его глазах медленно угасала, уступая место покою.

— *Пусть пустыня воет злая,*

Ты закрой глаза, родной.

Там, где лотос расцветает,

Обретешь ты свой покой.

Камен, сидящий поодаль, поднял голову. Он смотрел на них — на обреченную душу, ставшую защитницей, и на принца, ставшего ребенком. В этом было больше магии, чем во всех его заклинаниях.

— Я с тобой, пока свет не стает, — пела Нехбет, и слеза скатилась по её щеке, падая на лоб принца. — Я дана тебе судьбой.

Спи, мой принц, спи, мой свет.

Смерти нет. Смерти нет…

Дыхание Семерхета выровнялось. Веки его отяжелели и закрылись. Он уснул, впервые за долгие месяцы — без боли, убаюканный голосом той, что не помнила своего прошлого, но спасала его будущее.

В Землях Тишины наступила ночь.

Был лишь один вопрос, а дальше что?

Глава 7. Призрачные земли

Тишина здесь имела вес. Она наваливалась на плечи тяжелее храмовых плит, забивала уши незримой ватой, просачивалась под кожу вместе с серым, мертвенным холодом.

Камен сидел неподвижно, скрестив ноги, и смотрел на свои руки. Они дрожали. Тонкая струйка крови, уже засохшая, чернела дорожкой от ноздри к верхней губе, но у него не было сил даже стереть её. Магический барьер, который он держал всю ночь, выпил его почти до дна. Хека — великая магическая сила — не давалась даром. Она была ростовщиком, самым жадным из всех, что существовали в обоих мирах. За каждую каплю силы она требовала литр жизни.

Он перевел тяжелый взгляд на спящих.

Семерхет лежал, уткнувшись лицом в колени девушки, раскинув руки, словно сломанная кукла. В этом тусклом, бестеневом свете, который сочился с неба цвета старого пепла, принц казался совсем юным. Не надменным наследником трона, не воином, а тем мальчишкой, с которым они когда-то, целую вечность назад, гоняли мяч из папируса по внутренним дворам дворца.

Тогда они были равны. Два смеха, сливающихся в один под жарким солнцем. Сын фараона и обычный дворовый мальчишка.

Камен криво усмехнулся, и губа треснула, отозвавшись острой болью. Равны… Какая глупость. Даже тогда Семерхет был золотом, сияющим и теплым, к которому тянулись все. А Камен был его тенью. Тенью, которая становилась всё длиннее и чернее, пока не поглотила его целиком.

Он прикрыл глаза, откидывая голову на шершавый камень скалы. Воспоминание, которое он гнал от себя годами, вдруг нахлынуло словно темное наваждение. Может, виной тому было истощение, а может — само это проклятое место, где прошлое и настоящее сплетались в тугой узел.

Ему было двенадцать.

В тот день они с Семерхетом сбежали с урока письма. Семерхет хотел посмотреть на священных крокодилов, которых кормили жрецы Себека, но Камен свернул не туда. Или его кто-то позвал?

Он помнил запах вековой пыли и сухих трав. Запретная секция храмовой библиотеки, куда ученикам вход был заказан под страхом плетей. Но любопытство жгло сильнее страха. Камен помнил, как его пальцы коснулись старого, почерневшего от времени свитка. Он не искал власти. Он просто хотел знать.

В тот момент, когда он развернул папирус, мир вокруг исчез.

Не было ни стен, ни запаха пыли. Была только Бездна. Она пахла гнилой водой. Хекка не вошла в него мягким потоком, как описывали в свитках для новичков. Нет. Она ударила его,

как разъяренный бык Апис. Она ворвалась в вены ледяным огнем, выжигая детство, выжигая страх, выжигая саму суть того, кем он был.

Он помнил, как закричал, но звука не было. Его тело выгнулось дугой, в глаза ударил ослепительный синий свет, и в этом свете он увидел… нити. Мириады светящихся нитей, из которых был соткан мир. Он увидел, как бьется сердце мыши в углу комнаты, как течет сок в стеблях лотоса за стеной, как медленно крошится песчаник под весом веков.

Это было великолепно. И это было чудовищно.

Когда его нашли жрецы, он лежал на полу без сознания, а вокруг него плясали маленькие вихри пыли, которые не смели коснуться его кожи. Семерхет тогда прибежал первым. Камен помнил его испуганные глаза. Принц тряс его за плечи, кричал его имя: «Камен! Камен, очнись!».

Но когда Камен открыл глаза, он увидел, как Семерхет отшатнулся. Взгляд друга изменился. В нем больше не было только беспокойства. В нем появился страх. Первобытный страх перед тем, кто прикоснулся к Изнанке мира.

— Ты холодный, — прошептал тогда Семерхет, отнимая руку. — Ты ледяной, как мертвец.

С того дня их дружба начала умирать. Семерхет пошел путем меча и знаний, путем Ра. А Камен остался в тени, изучая тьму, которая однажды посмотрела на него в ответ.

Камен открыл глаза, возвращаясь в серую реальность Земель Тишины.

Он посмотрел на свои руки. Те же пальцы, что и тогда. Только теперь они знали, как останавливать сердце взглядом, как призывать бурю, как обманывать смерть. Но Семерхет был прав. Он стал холодным.

Его взгляд переместился на тайну, которой для него была Нехбет.

Она не спала.

Она сидела абсолютно неподвижно, глядя на него своими странными, светлыми глазами. В этом сумраке они казались почти прозрачными, как воды Итеру на мелководье. Она не боялась. Вот что странно. Даже после всего, что случилось этой ночью — демонов, бури, огня — в ней не было того страха, который Камен привык видеть в людях.

Она бережно перебирала пальцами волосы Семерхета, распутывая колтуны из песка и пыли, но смотрела прямо на жреца.

— Ты громко думаешь, — тихо сказала она. Её голос в этой абсолютной тишине прозвучал неожиданно звонко.

Камен нахмурился, поправляя рукав своего черного плаща, скрывая дрожь рук.

— А ты слишком спокойна для той, кто очнулся в аду, — произнес он, голос его все еще был тихим. — Ты хоть понимаешь, где мы?

Нехбет медленно огляделась. Серые дюны уходили в бесконечность, сливаясь с таким же серым небом. Здесь не было горизонта. Не было солнца. Только рассеянный, мертвый свет, который не отбрасывал тени.

— Здесь нет ветра, — заметила она. — И нет птиц.

— Здесь нет жизни, — жестко отрезал Камен. — Это Земли Тишины. Складка между миром живых и Дуатом. Сюда попадают те, кого боги забыли, а демоны еще не нашли. Идеальное место, чтобы спрятаться… или умереть от голода и безумия.

Он ожидал страха. Вопрос «как нам вернуться?». Но Нехбет лишь кивнула, словно он сообщил ей о разливе реки. Её рука продолжала гладить Семерхета по голове, и это движение — такое простое, такое человеческое — раздражало Камена. Оно напоминало ему о тепле, которого у него не было.

— Ему лучше, — сказала она, не спрашивая, а утверждая. — Жар спал. Твой барьер… он не только защищал нас снаружи. Он лечил его?

Камен фыркнул, доставая из складок одежды помятую флягу с жалкими остатками воды.

— Не приписывай мне добродетелей, которых у меня нет, обреченная душа. Барьер просто не давал теням выпить его остатки жизни. А лечил его не я.

Он выразительно посмотрел на её руки.

— Это ты, — сказал он, прищурившись. — Когда ты пела… ту колыбельную. Я чувствовал колебания хекки. Но они были другими. Не такими, как у жрецов храма. Твоя магия не забирает силу. Она… течет сквозь тебя. Кто ты такая, Нехбет? Почему не помнишь ничего о себе? Кто тебе напевал это перед сном?

Она замерла. Её пальцы остановились в волосах принца.

— Я не знаю, — честно ответила она, и в её глазах мелькнула растерянность, которая впервые заставила Камена поверить ей. — Я помню только свое имя. И… ощущение воды. Много воды. И когда увидела боль в глазах принца, мне захотелось ему помочь.

Камен хотел надавить, хотел допросить её с пристрастием жреца-дознавателя, но в этот момент тело на коленях девушки шевельнулось. Семерхет глубоко, судорожно вздохнул, словно вынырнул с большой глубины.

— Смерти нет… — пробормотал принц в бреду, его ресницы дрогнули.

Камен напрягся, мгновенно сбрасывая с себя остатки меланхолии. Жрец снова уступил место воину тени.

— Просыпается, — констатировал он. — Готовься. Сейчас нашему пострадавшему не понравится то, что он увидит.

Семерхет дернулся, садясь так резко, что мир перед глазами качнулся, как палуба ладьи в шторм. Голова гудела.

Он инстинктивно схватился за пояс, ища рукоять медного кинжала, но пальцы схватили лишь пустоту. Оружия не было. Его кожаный доспех был измят, а белоснежный схенти превратился в грязные лохмотья, пропитанные потом и кровью.

— Тише, господин, — раздался спокойный голос над ухом.

Семерхет замер. Он обнаружил, что до сих пор сжимает запястье Нехбет. Он резко отдернул руку, чувствуя, как к щекам приливает жар — не от болезни, а от стыда. Будущий правитель не должен просыпаться на коленях у девушки, слабый, как новорожденный теленок.

Он с трудом поднялся на ноги. Песок под ногами был странным — слишком мелким, похожим на пепел погребальных костров, и совсем не держал вес.

— Где остальные? — спросил он, оглядывая пустую серую равнину. — Где мои воины? Где начальник стражи?

Камен медленно поднялся, отряхивая свой черный плащ.

— Там же, где и вчерашний день, — сухо ответил жрец. — Их больше нет, Семерхет. Демоны забрали их тела, а песок — их имена. Мы одни.

Дыхание принца со свистом вырвалось сквозь плотно сжатые губы. Воспоминания ударили в голову: крики, лязг меди, черные тени, разрывающие его людей. Ярость и горечь подкатили к горлу, но он заставил их отступить. Сейчас нельзя.

— Значит, мы выжили, — процедил он сквозь зубы. — Дальше что? Куда нам идти? Где Итеру?

Камен издал короткий, лающий смешок.

— Итеру? — переспросил он, словно Семерхет попросил достать ему луну с неба. — О, великий стратег, посмотри вокруг. Здесь нет сторон света. Здесь солнце не встает и не садится. Если ты пойдешь искать Великую Реку, ты будешь идти вечность, пока твои кости не станут частью этого пейзажа.

Семерхет шагнул к жрецу, нависая над ним. Несмотря на слабость, в нем проснулась привычка повелевать.

— Не язви мне, Камен. Ты притащил нас сюда своей магией. Тебе и выводить.

— Я спас тво… наши жизни, — Камен не отступил, глядя прямо в глаза принцу. В его взгляде не было страха, только усталое раздражение. И сейчас мы застряли на изнанке мира.

Чтобы выйти, нам нужно найти брешь. Место, где мир живых соприкасается с этим преддверием Дуата.

— И где это место?

— Просто идти вперед, — тихо произнесла Нехбет.

Мужчины одновременно повернулись к ней. Она стояла чуть поодаль, глядя куда-то вдаль, в серую муть горизонта.

— Я чувствую воду, — сказала она уверенно. — Там. Очень далеко. Но она там есть. Живая вода.

Семерхет недоверчиво хмыкнул.

— Мираж, — отмахнулся он. — В пустыне разум играет злые шутки. Особенно с… такими, как ты.

— А у тебя есть план получше? — Камен скрестил руки на груди, склонив голову набок. — Может, прикажешь пескам расступиться? Или напишешь указ демонам, чтобы они вернули нас домой? Посмотри на себя, Семерхет. Ты сейчас правишь только пылью на своих сандалиях.

Семерхет вспыхнул. Он хотел ответить резкостью, напомнить жрецу его место, но слова застряли в горле. Камен был прав. Здесь его титул ничего не значил. Здесь он был просто человеком, у которого нет даже глотка воды.

Он выдохнул, проводя ладонью по лицу, стирая грязь. Злость отступила. Он помнил, что ему осталось семнадцать восходов, и теперь идея просто пойти за этой странной девушкой уже не казалась такой ужасной.

— Ладно, — ответил он, признавая поражение. — Веди, жрец. И ты, — он кивнул Нехбет. — Надеюсь, ты права. И мы выйдем из этих песков.

Камен снова усмехнулся, на этот раз чуть мягче.

— Если мы останемся здесь, Тишина сведет нас с ума раньше, чем жажда.

Они двинулись в путь. Три маленькие фигурки в бескрайнем сером океане. Впереди шла Нехбет, словно ведомая невидимой нитью. За ней, оставляя глубокие следы в пепельном песке, шел Семерхет. Замыкал шествие Камен, чья черная накидка развевалась, хотя ветра по-прежнему не было.

Впереди их ждала неизвестность, которая могла оказаться спасением или очередным испытанием.

Глава 8. Испытание душ

Время в Землях Тишины не текло — оно застывало, как смола на холоде. Здесь не было ни движения солнца, ни смены красок неба. Только бесконечная, давящая серость, которая проникала в легкие вместе с сухим воздухом, оседала на языке привкусом пепла и медленно, но верно вытравливала из памяти цвета живого мира.

Они шли уже вечность. Или, может быть, всего лишь час? В этом проклятом месте разница стиралась. Каждый шаг давался с усилием, словно они брели по дну высохшего моря, преодолевая сопротивление невидимой воды.

Семерхет споткнулся. Нога, отяжелевшая, словно отлитая из свинца, увязла в зыбучем пепле. Он едва не рухнул на колени, лишь чудом удержав равновесие и тяжело задышав. Его лицо напоминало посмертную маску: запавшие глаза, обветренные губы, кожа цвета старого папируса. Тень, которая хотела отобрать его жизнь раньше срока, и проклятие песков, казалось, отступили, но лишь для того, чтобы уступить место чему-то более страшному — истощению души.

— Не останавливайся, — тихий голос Камена прозвучал где-то позади, глухой и плоский. — Остановишься — станешь частью пейзажа.

Жрец выглядел не лучше. Его черная накидка, изодранная в клочья, была покрыта слоем серой пыли, делая мага похожим на призрака. Хекка, которую он использовал, чтобы защитить их, выпила его до дна, оставив лишь тело, движимую упрямством.

Впереди, легкая как пушинка, шла Нехбет. Рядом с ней, то исчезая в мареве, то появляясь вновь, семенил маленький лис. Девушка шла странно — не касаясь пятками земли, словно танцуя неслышный танец. Она вела их, доверяясь не глазам, а тому странному чутью, что проснулось в ней на границе миров.

Но Тишина не собиралась отпускать своих пленников так просто. Она ждала момента слабости. И этот момент настал.

***

Воздух перед глазами Семерхета дрогнул.

Серая равнина вдруг пошла рябью, как вода от брошенного камня. Очертания дюн поплыли, вытягиваясь вверх, превращаясь в величественные колонны из красного гранита. Запах пыли исчез, сменившись густым, одурманивающим ароматом мирры и лотоса.

— Город Золотых Песков… — выдохнул Семерхет, и его глаза расширились в неверии и восторге. — Мы вернулись… Царь!

Он стоял в тронном зале. Но этот зал был больше и величественнее того, что он помнил. Стены сияли золотом, расписанные сценами великих побед — *его* побед. Вот он, Семерхет, попирает ногами врагов Египта. Вот он получает благословение небес.

В конце зала, на возвышении, стоял Трон. Он был пуст. Корона Верхнего и Нижнего Египта, Пшент, лежала на сидении, сверкая драгоценными камнями. Она звала его.

— Мой сын… — голос, похожий на шелест сухих листьев, раздался отовсюду. — Ты пришел занять свое место?

Семерхет сделал шаг вперед, шатаясь от счастья.
— Я вернулся, отец. Я прошел через тьму.

Но стоило ему сделать еще шаг, как иллюзия дрогнула. Золото на стенах начало темнеть, стекая вниз густыми, бурыми потеками. Аромат мирры сменился сладковатым, тошнотворным запахом гниющей плоти и меди.

— Смотри внимательнее, наследник, — прошептал голос, теперь полный ехидства.

Семерхет моргнул, и крик застрял у него в горле. Пол под его ногами был залит кровью. Она хлюпала при каждом шаге, пачкая его сандалии. А трон… Трон был сложен не из дерева и золота. Он был сложен из человеческих костей. Черепа скалились из подлокотников, ребра формировали спинку.

На троне сидел он сам. Мертвый Семерхет. Его тело было иссушено, глазницы пусты, а на голове, впиваясь шипами в череп, сидела Корона.

— Такова цена, — проскрежетал мертвый двойник, открывая рот, полный песка. — Власть — это смерть. Сядь. Прими свою судьбу. Умри, чтобы править костями.

Ужас, холодный и липкий, сковал принца. Он понимал, что должен бежать, но ноги не слушались. Мертвый двойник протянул к нему костлявую руку, и Семерхет почувствовал, как его собственное сердце замедляет ход, готовое остановиться навсегда. Он был готов сдаться. Он был готов лечь в эту кровавую лужу и закрыть глаза.
— НЕТ!
Удар был такой силы, что сбил его с ног. Реальность треснула, как разбитый кувшин.

Семерхет рухнул на жесткий, холодный песок, хватая ртом воздух. Над ним, тяжело дыша, стоял Камен. Глаза мага горели яростью. Он только что, собрав последние крохи сил, ударил принца по лицу, вырывая его из морока.

— Не смей! — крикнул Камен, хватая друга за грудки и встряхивая так, что голова мотнулась. — Ты не в Тронном зале, друг! Ты в пустыне!

Семерхет смотрел на него безумными глазами, всё еще видя отблески кровавого золота.
— Трон… он из костей… Я видел свою смерть, Камен…

— Ты видел свой страх! — крикнул жрец, приближая лицо вплотную. — Трон — это не смерть, это долг! Если ты сейчас оставишь свою душу здесь, ты предашь не себя. Ты предашь всех. Вставай! Вставай, наследник, или я сам придушу тебя, чтобы не мучился!

Боль от удара и ярость в голосе друга отрезвили принца. Кровавый туман рассеялся. Он увидел серые дюны, увидел искаженное тревогой лицо Камена. Жрец спас его. Вытащил из сладких объятий отчаяния.

— Я… я здесь, — прохрипел Семерхет, вытирая разбитую губу. — Спасибо… Камен.
***

Но передышка была недолгой. Тишина, раздосадованная неудачей, переключила свое внимание на следующую жертву.

Нехбет замерла. Она шла впереди, но вдруг остановилась, словно наткнулась на невидимую стену. Лис, бежавший рядом, жалобно заскулил и прижался к земле, закрывая мордочку пушистым хвостом.

Девушка медленно повернула голову. Её глаза, обычно ясные, заволокло пеленой.

Вокруг неё сгущались тени. Они выползали из-под барханов, черные, текучие, принимающие форму огромных зверей. Шакалы. Но не те жалкие падальщики, что рыщут у городских стен. Это были гончие Дуата — огромные, с горящими фиолетовым огнем глазами, с шерстью чернее самой темной ночи.

Их были десятки. Они окружили её, отрезая от спутников.

— *Дитя…* — шелест возник не в ушах, а прямо в её крови. — *Почему ты идешь со смертными?*

Нехбет попятилась. В голове вспыхнули обрывки воспоминаний — не картинки, а ощущения. Холод камня. Запах бальзамических масел. И чья-то высокая, темная фигура с головой шакала, стоящая над ней. Отец? Судья? Бог мертвых?

— *Твое место не здесь,* — тени подступали ближе, их пасти скалились в жутких улыбках. — *Ты — сосуд. Ты — ключ. Ты принадлежишь Анубису. Забудь их. Там тихо. Там нет боли.*

Слова обрывались.

Страх, который она испытывала, был особенным. Это был не страх смерти. Это был страх *вспомнить*. Она чувствовала, что если шагнет к этим теням, если примет их приглашение, то человеческая Нехбет исчезнет. Останется лишь холодное, бессмертное существо, чуждое всему живому.

— Нет… — прошептала она, закрывая уши руками. — Я не хочу… Я хочу жить…

— *Ты не живая,* — рассмеялись шакалы. Одна из теней прыгнула, готовясь поглотить её разум.

Свист рассекаемого воздуха.

Острый обломок черного камня вонзился прямо в призрачную морду твари, и та распалась облаком дыма.

Перед Нехбет возникла широкая спина. Семерхет.

Он шатался, его руки дрожали от слабости, но он стоял твердо, заслоняя её собой от стаи кошмаров. У него не было меча, не было доспехов — только острые камни, подобранные с земли, и несломленная королевская гордость.

— Прочь! — его голос, сорванный и хриплый, прогремел над дюнами с силой приказа. — Именем Фараона, я изгоняю вас! Она под моей защитой!

Шакалы зарычали, кружа вокруг, но не смея приблизиться. Аура власти, истинной королевской воли, которую излучал Семерхет, жгла их сильнее огня. Он, кто только что чуть не погиб от страха перед троном из костей, теперь использовал свою власть, чтобы защитить простую девушку.

— Не бойся, — бросил он ей через плечо, не сводя глаз с теней. — Пока я стою, ни одна тень не коснется тебя. Ты спасла меня. Теперь мой черед.

Тени зашипели, их формы начали терять плотность, рассыпаясь под напором воли человека, который наконец-то почувствовал себя не принцем, а защитником.

***

— Камен!

Крик Нехбет заставил Семерхета обернуться. Тени исчезли, но теперь беда пришла к третьему.

Камен стоял на коленях в десятке шагов от них. Его голова была запрокинута, рот открыт в беззвучном крике, а из глаз и носа текли тонкие струйки крови. Вокруг него воздух замерз. Иней покрывал его плечи, ресницы, волосы и изодранный черный плащ.

Он был там, где нет места живому человеку.

Для Камена пустыня исчезла. Осталась только Бездна. Та самая, в которую он по неосторожности заглянул в детстве в запретной секции библиотеки. Но тогда он лишь коснулся её края. Теперь же он падал в самый центр.

Здесь не было ни света, ни звука. Только абсолютное, совершенное *Ничто*. И это Ничто говорило с ним.

— *Зачем бороться, маленький жрец?* — голос звучал как треск льда. — *Ты искал знания? Вот они. Ты искал силу? Бери. Тебе нужно лишь отпустить. Перестань держать барьер в своем разуме. Стань дверью.*

Холод проникал в кости, вытесняя боль, вытесняя страх, вытесняя любовь и дружбу. Это было блаженство. Абсолютный покой. Не нужно больше сражаться, не нужно быть «тенью» Семерхета, не нужно нести бремя вины.

— Да… — губы Камена шевельнулись, покрываясь коркой льда. — Я устал… Я открываю…

Его сердце замедлялось. Еще мгновение — и он станет проводником, через который Пустота хлынет в мир, уничтожая и Семерхета, и Нехбет, и его самого.

Вдруг сквозь ледяной панцирь пробилось тепло.

Не сильное, не обжигающее, а мягкое и живое. Как вода в нагретом солнцем пруду.

Нехбет упала перед ним на колени. Она не знала заклинаний. Она не училась в храмах. Но она помнила песню. Ту самую, без слов, что всплывала в её памяти, когда было особенно страшно.

Она обхватила ледяное лицо мага ладонями, не обращая внимания на то, что холод обжигает ей кожу.

— *Возвращайся,* — прошептала она, глядя в его остекленевшие глаза. — Ты не дверь, Камен. Ты — страж. Твое сердце бьется. Слышишь?

Она начала напевать. Мелодия была простой, странной, похожей на журчание реки, шелест тростника и тихую колыбельную. Это была хекка жизни, самая древняя, та, что существовала до богов и храмов. Истинная магия, которая связывала все живое.

Тепло её рук и звук её голоса стали якорем. Камен судорожно вздохнул. Лед в его душе треснул. Бездна разочарованно взвыла и отступила, выброшенная прочь силой простого человеческого участия.

Жрец рухнул вперед, прямо в руки девушки, хватая ртом воздух, как утопающий, которого вытащили на берег. Закоченевшие пальцы вцепились в ее плечи.

— Ты… — прохрипел он, его зубы стучали. — Ты теплая… Ты вытащила меня…

— Мы все вытащили друг друга, — тихо сказал подошедший Семерхет, тяжело опуская руку на плечо друга.

***

Они сидели на песке, прижавшись друг к другу, образуя единый круг. Три сломленных, измученных человека, победивших своих демонов. Тишина вокруг изменилась. Она перестала быть враждебной. Она стала… выжидающей.

Лис Ветер вдруг вскочил. Он замер, навострив огромные уши, и издал короткий, звонкий лай, глядя куда-то вверх и вперед.

Песок перед ними задрожал. Но не так, как при появлении чудовищ. Это была вибрация, похожая на мурлыканье гигантской кошки.

Миллиарды песчинок поднялись в воздух. Они закружились в золотом вихре, игнорируя отсутствие солнца, сами излучая свет. Вихрь рос, уплотнялся, пока не обрел форму.

Перед путниками возвышалась исполинская женская фигура. Она целиком состояла из песка, но её очертания были безупречны. Высокая корона с солнечным диском, широкое ожерелье-усех, тонкие черты лица, которые менялись каждое мгновение — то становясь ликом прекрасной девы, то львицы, то коровы.

Песчаная Богиня. Воплощение самой Пустыни и того, что лежит за её пределами.

Семерхет, Камен и Нехбет замерли, не в силах пошевелиться от благоговейного трепета. Маленький фенек выбежал вперед и, к изумлению людей, почтительно склонил перед гигантом голову, прижав уши к затылку.

Богиня или дух, принявший её облик наклонилась к ним. У неё не было глаз, но они чувствовали на себе взгляд, тяжелый, как горный хребет, и древний, как звезды.

Её голос не нарушил тишины. Он прозвучал сразу у них в головах, подобно шороху песка о базальт древних мастаб.

— *Три сердца пришли ко мне,* — сказала Она. — *Одно искало власти и нашло смирение. Другое искало бездну и нашло тепло. Третье забыло себя, но вспомнило долг.*

Песчаная рука, огромная, как бархан, медленно поднялась и указала вдаль, туда, где раньше была лишь серая мгла. Теперь там, на самом краю восприятия, задрожало марево — не серое, а голубое.

— *Вы прошли испытание Зеркалом,* — продолжила Богиня. — *Ибо сказано в свитках, что не прочтены смертными: Жизнь спасенная умирающего спасет.*

Она повернула свое песчаное лицо к Нехбет, и на мгновение в фигуре промелькнуло что-то пугающе знакомое — силуэт высокого мужчины с головой шакала, стоящего за её плечом. Но видение исчезло так же быстро, как и появилось.

— *Идите,* — прозвучал наказ. — *Исток Итеру скрыт от глаз тех, кто смотрит лишь очами. Только боги знают, где рождается река, но вы… вы заслужили право увидеть.*

Фигура начала распадаться. Песчинки осыпались дождем, возвращаясь в состояние покоя, но прежде чем исчезнуть окончательно, голос прозвучал в последний раз, уже тише:

— *Помните: пустыня не убивает. Она лишь забирает лишнее.*

Всё стихло.

Перед ними лежала пустыня, но теперь она была другой. Серая мгла рассеялась, открывая узкую тропу между дюнами, которая вела к далекому, едва заметному голубому сиянию на горизонте.

Семерхет с трудом поднялся на ноги и протянул руку Камену. Жрец, все еще бледный, но с ясным взглядом, ухватился за предплечье принца и встал, запахивая изодранную черную накидку. Нехбет поднялась сама, отряхивая песок с колен. Ветер подбежал к ней и потерся о ногу, словно говоря: «Я же говорил, что знаю дорогу».

— «Жизнь спасенная умирающего спасет», — задумчиво повторил Камен слова Богини. Он посмотрел на Нехбет. — Кажется, наша связь крепче, чем мы думали.

— Идем, — Семерхет поправил лохмотья своего льняного одеяния с достоинством царя в парадном облачении. — Боги дали нам шанс. Не будем заставлять их ждать.

Они двинулись по указанной тропе. Трое выживших, связанных невидимой нитью судьбы, шли к Истоку, который мог стать их спасением или последней тайной.

Глава 9. Там, где кончается свет

Пустыня больше не была серой. Она стала злой.

После того как золотой мираж Истока растаял, оставив лишь направление, реальность навалилась на путников с удвоенной тяжестью. Песок здесь был другим — грубым, темным, смешанным с острой каменной крошкой, которая впивалась в подошвы и без того изодранных сандалий. Воздух сгустился, став вязким, как сироп.

Они шли, преодолевая сопротивление самого пространства.

Камен шел, ссутулившись, плотнее кутаясь в свой изодранный черный плащ. После прикосновения к Бездне он изменился. Тень под его глазами стала чернильной, а взгляд — колючим, недоверчивым. Он то и дело оглядывался, словно ожидая удара в спину, и его губы беззвучно шевелились, проклиная песок, богов и собственную глупость.

Семерхет же, напротив, шагал с неожиданной для умирающего легкостью. Бледность не сошла с его лица, и пот градом катился по вискам, но в его глазах горел лихорадочный, веселый огонек.

— Знаешь, жрец, — нарушил тишину принц, утирая лоб тыльной стороной ладони. — А ведь это ирония, достойная Джехути.

— О чем ты? — спросил Камен, не поворачивая головы.

— О моем отце, — хмыкнул Семерхет. — Фараон потратил половину казны на лекарей. Меня окуривали благовониями, поили вытяжками из крокодильих глаз, читали надо мной свитки длиной в Итеру. И всё без толку. Я гнил заживо в тончайшем льне.

Он остановился, развел руками, обводя мрачный пейзаж:

— А стоило выйти прогуляться в проклятую пустыню, где нет ни воды, ни лекарей, ни здравого смысла — и смотри-ка! Я всё еще жив. Ноги идут, легкие дышат. Может, мне просто не хватало свежего воздуха с вами?

Камен остановился и наградил друга тяжелым взглядом:

— Не обольщайся, Ваше Высочество. Труп тоже дергается, если в него влить дикую хекку. Ты идешь на чистом упрямстве и ярости.

— И на твоих молитвах, друг мой, — ответил Семерхет с кривой ухмылкой. — Не скромничай. Я видел, как ты вытаскивал меня из той кровавой лужи в видении. Ты слишком любишь меня, чтобы дать умереть.

— Я люблю порядок, — ответил Камен, но уголок его губ дрогнул, выдавая, что злость его напускная. — А твоя смерть внесет хаос в династию. Идем. Если мы остановимся, этот «свежий воздух» нас доконает быстрее яда.

Нехбет шла чуть позади, слушая их перепалку, и странное чувство теплело в её груди. Раньше она видела в них хозяев. Семерхет был целью, священной жертвой, ради которой она существовала. Камен был грозным стражем. Но сейчас, глядя на их согбенные спины, на грязные лохмотья, на то, как Семерхет незаметно подставляет плечо шатающемуся жрецу, она видела просто людей.

«Жертва…» — пронеслось у неё в голове. Слово казалось теперь чужим, неправильным.

Она вспомнила, как Семерхет закрыл её от призрачных шакалов. Как он, сам едва стоящий на ногах, рычал на тени, защищая обреченную душу. Разве жертвенный агнец защищает того, кто ведет его на убой?

«Я не хочу, чтобы он умирал, — осознание было тихим, но твердым, как камень. — И не хочу, чтобы тьма забрала Камена. Мы связаны. Не цепями, а чем-то большим».

— Привал, — скомандовал вдруг Камен, указывая на небольшое углубление под нависающим скальным козырьком. — Солнца здесь нет, но я чувствую, как меняются токи магии. Надвигается ночь… или то, что здесь заменяет ночь.

***

Они сели тесным кругом. Огня развести было не из чего — здесь не росло ни кустика, ни травинки. Пришлось довольствоваться теплом друг друга.

Семерхет тяжело опустился на камень, вытянув гудящие от усталости ноги. Он поморщился, но не издал ни звука.

Только сейчас, в тусклом свете, Нехбет заметила темное, влажное пятно, проступившее на его голени. Она замерла, вспомнив, как яростно он отбивался, закрывая её от призрачных шакалов.

«Значит, одна из теневых тварей всё-таки достала его, а этот упрямец шел всё это время, стиснув зубы и не проронив ни слова!»

Нехбет молча опустилась перед ним на колени. Она оторвала полосу ткани от своего подола — ткань была грубой, но чистой — и, не спрашивая разрешения, принялась перевязывать рваную рану от призрачных клыков.

Принц замер, глядя на её склоненную голову.

— Тебе не обязательно это делать, — тихо сказал он. — Я всего лишь…

— Молчи, — мягко перебила она, не поднимая глаз. Её пальцы были ловкими и нежными. — Ты принц Египта. А еще — упрямый осел, который не умеет беречь себя.

Семерхет удивленно моргнул, а затем рассмеялся — тихо, искренне.

— Упрямый осел. Пожалуй, это самый точный титул, который мне давали.

Камен, сидевший чуть в стороне и чертивший пальцем на песке защитные глифы, фыркнул:

— Она права. Ты лезешь на рожон даже здесь, где рожна нет.

— А ты, жрец? — Нехбет закончила перевязку и повернулась к нему. В её глазах, обычно покорных, теперь светилась сила. — Ты несешь на своих плечах тяжесть целого мира. Думаешь, я не видела, как дрожали твои руки после битвы с демонами? Тебе тоже нужно тепло.

Она пододвинулась и села между ними. Не как обреченная, а как равная. Маленький лис Ветер, до этого настороженно обнюхивавший камни, тут же забрался к ней на колени, свернулся клубком и прикрыл нос пушистым хвостом.

Камен замер, словно хотел отодвинуться, но потом выдохнул и расслабил плечи.

— Мы словно тени из Дуата, — пробормотал он, глядя в темноту пустыни. — Умирающий принц, жрец-отступник и девушка без права на жизнь. И лис. Боги, должно быть, хохочут, глядя на нас.

— Пусть смеются, — Семерхет откинул голову назад, прислоняясь к камню. — Зато мы здесь. Вместе. Знаешь, Нехбет… Там, во дворце, меня окружали сотни людей. Но я никогда не чувствовал себя таким… живым, как сейчас, сидя в пыли с вами.

Нехбет посмотрела на него. В полумраке его лицо казалось застывшим, как алебастр, но всё её внимание приковал взгляд. Глубокие, пронзительно-карие глаза в обрамлении густых темных ресниц. В их темном омуте билась такая тоска, что сердце предательски сжалось. Она знала пророчество. Жизнь спасенная — умирающего спасет. Но какой ценой? Чья жизнь?

— Мы дойдем, — твердо сказала она. — Мы найдем Исток. И никто не умрет. Я не позволю.

Камен посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом, в котором сквозило уважение.

— Да будет так, душа неизвестности. Да будет так.

Тишина опустилась на их маленькое укрытие. Это был момент покоя, хрупкий, как крыло саранчи. Они сидели, чувствуя плечо друг друга, и в этом единении была сила, способная поспорить с самой смертью.

Но пустыня не терпела покоя.

***

Первым среагировал Ветер.

Лис внезапно вскинул голову. Его уши встали торчком, нервно подрагивая и ловя малейший шорох из темноты. Он вскочил на лапы, шерсть на загривке вздыбилась жестким гребнем, и из горла вырвалось низкое, вибрирующее рычание.

— Что там? — шепотом спросил Семерхет, мгновенно подбираясь и выхватывая из-за пояса тяжелый медный кинжал.

Камен поднял ладонь, призывая к тишине. Он прикрыл глаза, вслушиваясь в незримое дыхание пустыни.

— Вибрация, — его голос стал напряженным. — Земля… она движется. Но это не землетрясение.

Звук пришел мгновением позже. Это был не гул ветра и не шелест песка. Это был сухой, многоголосый треск. *Цок-цок-цок-шрррр*. Звук тысяч маленьких ножек, ударяющих о камень. Звук хитиновых панцирей, трущихся друг о друга.

— Наверх! — сорвался на крик Камен, вскакивая. — Живо на камни!

Они едва успели взобраться на валун, под которым сидели, как песок вокруг их лагеря буквально взорвался.

Из-под земли, словно черная кипящая пена, хлынули скорпионы.

Их были сотни. Тысячи. Черные, бурые, желтые. Мелкие, с ноготь, и крупные, с кулак. Они текли сплошным ковром, заполняя собой каждую выемку, каждую трещину. Их хвосты были подняты, жала истекали ядом, который с шипением въедался в камень.

— Великий Ра… — выдохнул Семерхет, глядя на это море смерти. — Откуда их столько?

— Это ее проклятые земли. Земли Царицы Скорпионов, — прошептал Камен.

Он вскинул руки, и с его пальцев сорвались синие искры. Щит из дикой *хекки* вспыхнул вокруг валуна, отбрасывая первых тварей, попытавшихся взобраться наверх. Скорпионы сгорали с сухим треском, но на их место приходили десятки новых.

— Они не просто ползут, — крикнула Нехбет, прижимая к груди рычащего лиса. — Их кто-то гонит! Смотрите!

Песчаный ковер расступился. Из темноты, медленно и неотвратимо, выплывали чудовища.

Это были скорпионы размером с пустынных львов. Их панцири отливали черным обсидианом, клешни могли перекусить человека пополам, а в маленьких, злобных глазках светился разум. Не звериный. Демонический.

— *Дети…* — прошелестел голос, многократно усиленный эхом, исходящий отовсюду и ниоткуда. — *Принесите мне их сердца.*

Гигантский скорпион ударил хвостом по магическому барьеру Камена. Щит затрещал, пошел рябью. Жрец пошатнулся, из носа снова хлынула кровь.

— Долго я не удержу! — крикнул он, его лицо побелело от напряжения. — Их слишком много!

— Куда?! — Семерхет отбил лезвием медного кинжала прыгнувшую тварь, с хрустом разрубив хитин надвое. — Везде песок!

— К скалам! — Камен указал рукой вдаль, где виднелись очертания высоких, причудливых скал, похожих на клыки исполинского крокодила. — Там узкие проходы! Они не смогут нас окружить!

Барьер лопнул с треском расколотой кости.

— Бегите! — заорал Семерхет.

Он прыгнул первым, описывая кинжалом широкую дугу, расчищая путь. Тяжелое медное лезвие разрубало хитин, разбрызгивая зеленую, едкую кровь.

Они побежали.

Это был бег не на жизнь, а на смерть. Ноги вязли в песке, который теперь кишел тварями. Каждый шаг мог стать последним.

Нехбет бежала легко, словно ветер нес её. Она не смотрела под ноги — она смотрела на Семерхета, который бежал чуть позади, прикрывая их отход.

— Сзади! — закричала она.

Один из гигантских скорпионов, обогнав стаю, метнулся к принцу. Его клешня щелкнула в одном пальце от ноги Семерхета. Принц развернулся в прыжке, вонзая кинжал прямо в глаз чудовища. Тварь взвыла — пронзительно, как раненая гиена — и забилась в конвульсиях, преграждая путь своим собратьям.

— Не останавливайся! — Камен схватил Семерхета за плечо и дернул вперед.

Они ворвались в лабиринт скал. Узкий проход, зажатый между двумя отвесными стенами, дал им передышку. Гигантские твари не могли здесь протиснуться, они толпились у входа, скрежеща клешнями о камень. Но мелкие… мелкие продолжали течь ручьем.

— Выше! Нужно забраться выше! — командовал Камен.

Они карабкались по уступам, сдирая ногти, задыхаясь. И только когда они оказались на высоте десяти локтей, на широком карнизе, они позволили себе упасть.

Снизу доносился яростный скрежет и гул.

Но самое страшное было впереди.

Песок перед ущельем, там, где осталась основная стая, начал подниматься.

Это не было похоже на появление Песчаной Богини. Это было грубо, яростно и страшно.

Земля вспучилась, образуя огромный курган. Затем он взорвался.

В небо ударил столб песка, смешанного с молниями.

Внутри вихря проступили очертания. Она была огромна. Верхняя половина её тела напоминала женскую — прекрасную и ужасную, с кожей цвета полированной меди и глазами, горящими, как угли. Но ниже пояса человеческое тело переходило в чудовищное туловище скорпиона, покрытое золотыми и черными пластинами.

На голове её сияла корона с изображением скорпиона, готового к удару.

Царица Скорпионов. Госпожа Дыхания. Владычица Ядов.

Она не была материальна до конца — она состояла из песка, ветра и чистой божественной ярости.

Её гигантские руки легли на скалы по обе стороны ущелья, и камень затрещал под её прикосновением.

Она наклонилась к ним, её лицо оказалось на уровне их карниза. Гигантские глаза смотрели прямо в душу Нехбет.

— *Кто посмел потревожить мой покой*? — её голос звучал как гром, перекатывающийся в горах. — *Кто привел в мои владения души, которые обречены?*

Семерхет с трудом поднялся, тяжело дыша. Его ноги дрожали, но он вышел вперед, заслоняя собой друзей.

— Мы не искали войны, Великая! — крикнул он, стараясь перекричать ветер. — Мы идем к Истоку! Пропусти нас!

Царица рассмеялась. Этот смех вызвал камнепад.

— *К Истоку?* — прогрохотала она. — *Многие шли. Никто не вернулся. Исток требует чистоты. А вы… вы пахнете страхом, смертью и…* — она повела носом, глядя на Камена, — *…Бездной.*

Её хвост, невероятно длинный, с жалом, сияющим как звезда, поднялся над головой, нацеливаясь на карниз.

— *Только тот, кто выживет после моего поцелуя, достоин идти дальше,* — провозгласила Царица Скорпионов.

Жало устремилось вниз.

— Прыгаем! — заорал Камен.

За их спинами, в глубине карниза, чернел провал — вход в пещеру или трещину. Не зная, что там, не видя дна, они бросились в темноту ровно за мгновение до того, как жало Повелительницы раскололо карниз в пыль, обрушив тонны камня туда, где они только что стояли.

Тьма поглотила их. Крик Семерхета, проклятие Камена и визг лиса слились воедино, пока они скользили вниз по крутому каменному желобу, уносясь прочь от ярости Владычицы в самое чрево земли.

Охота закончилась. Началось падение.

Глава 10. Воды Изначальные и Свет Истины

Падение в Бездну оборвалось не ударом о твердь, способным раздробить кости, а оглушительным всплеском. Тьма, свистевшая в ушах, сменилась ледяными объятиями воды. Она была плотной, тяжелой, словно само время сгустилось в жидкость — как воды первозданного Нуна, но она приняла их милосердно.

Семерхет рванулся вверх, к далекому, едва мерцающему своду. Легкие горели, требуя воздуха. Он пробил головой черную маслянистую гладь и с хриплым стоном вдохнул. Воздух здесь был иным — влажным, прохладным, лишенным горького привкуса пепла, которым они дышали последние дни. Он пах мокрым камнем и древней смолой.

— Нехбет! — его голос, усиленный гулким эхом подземелья, заметался под нависающими сводами. — Камен!

— Я здесь, мой господин… Я здесь, — раздался тихий всплеск справа.

В тяжелом полумраке он различил силуэт девушки. Она одной рукой гребла, а другой прижимала к груди мокрого, дрожащего зверька. Фенек чихал и отчаянно цеплялся когтями за ее плечо.

— Камен! — снова крикнул принц, вглядываясь в чернильную воду.

В нескольких локтях от них вода вспенилась, и на поверхность вынырнул молодой жрец. Его густые черные волосы теперь облепили лицо, делая его похожим на мрачного духа речных глубин.

— Клянусь Душами Нехена! — выпалил Камен, отплевываясь. — Если это и есть вход в Зал Знаний, то первопредки были весьма жестоки в своих забавах.

Они поплыли к берегу. Здесь, в недрах земли, под исполинским брюхом Каменного Льва, скрывалось подземное озеро. Берег был рукотворным — массивные ступени из грубо отесанных блоков уходили в темную глубину.

Когда они выползли на сушу, сил не осталось даже на разговоры. Они лежали на холодном полу, мокрые, дрожащие, но живые. Семерхет чувствовал, как бешено колотится сердце, ударяясь о ребра. Он повернул голову. Камен лежал на спине, раскинув руки, и смотрел вверх, где потолок пещеры терялся во мраке, лишь кое-где поблескивая жилами золота, имитируя хаос ночного неба до сотворения мира.

— Ты как, друг? — тихо спросил Семерхет.

— Я пуст, как разбитый кувшин, — прошептал жрец, убирая мокрую прядь со лба. — Та защита от Царицы Скорпионов… она выпила меня до дна. Моя *Ка* едва теплится. Но вода… Ты чувствуешь? Эта вода живая.

Семерхет сел и зачерпнул ладонью влагу. Он поднес ее к губам. Это было чудо. В мире мертвых песков, где всё пропитано солью и тленом, эта вода была сладкой. Она была вкуснее лучшего пива из царских кладовых. Она смывала не только грязь, но и страх.

***

Они провели в молчании некоторое время, позволяя тишине этого места исцелить их слух, уставший от воя песчаных бурь. Это было святилище, скрытое от глаз смертных задолго до объединения Двух Земель. Стены здесь были обшиты панелями из потемневшего от времени кедра и медными листами, которые тускло отражали свет. Вдоль стен стояли не статуи, а грубые каменные идолы Ибиса, и в их длинных изогнутых клювах висели плошки с вечным жиром, давая мягкий, золотистый свет.

Камен, немного придя в себя, поднялся первым. Его движения все еще были скованными, но взгляд жреца уже блуждал по стенам, читая архаичные знаки.

— Это место старше Белых Стен Города Золотых Песков, — прошептал он, проводя пальцами по грубым рельефам на меди. — Дом Первого Отражения. Здесь жрецы Джехути хранили то, что не должно быть забыто, когда мир был еще юн.

Он подошел к одной из ниш, скрытой за кедровой панелью, и нажал на выступ. Камень с тяжелым, утробным рокотом отъехал в сторону.

— Боги милосердны, — выдохнула Нехбет, заглядывая внутрь.

В тайнике не было золота. Там стояли приземистые сосуды из тяжелого порфира и алебастра, запечатанные глиной. Рядом лежали стопки пожелтевшего, но крепкого льна.

— Одежды, — Камен достал простое одеяние. — И священные масла. Кажется, нас ждали.

Семерхет с наслаждением сорвал с себя истлевшие лохмотья, в которые превратился его царский наряд. Он вошел в воду, смывая с тела корку из песка, крови скорпионов и дорожной пыли.

Когда он вышел и облачился в чистое белое схенти, накинув на плечи льняной плащ, он почувствовал себя перерожденным.

Он обернулся и замер.

Нехбет стояла у дальней колонны. Она сменила лохмотья на простое длинное платье-калазирис, которое облегало ее стройную фигуру. Ее мокрые волосы рассыпались по плечам темной волной. В тусклом свете масляных плошек, среди грубых стен и запаха кедра, она казалась не простолюдинкой, а жрицей древнего, забытого культа. В ее осанке появилась грация, которую раньше скрывали страх и тяжелая ноша.

Камен, облачившийся в свежее схенти и накинувший на плечи лоскут темного плотного льна, заменявший ему его привычный, подошел к Семерхету и, проследив за его взглядом, тихо хмыкнул.

— Знаешь, Семерхет, — шепнул он, и в его голосе промелькнула теплая усмешка. — Пустыня сдирает с нас всё лишнее, как шелуху с луковицы. И порой то, что остается под коркой грязи, сияет ярче золота нубийских рудников.

— Замолчи, — беззлобно отозвался принц, но не отвел взгляда. — Она спасла нас.
— Я помню. И я рад, что у нашей троицы обреченных есть такая защитница.

Нехбет подошла к ним, держа в руках открытый каменный сосуд. Воздух наполнился густым, тяжелым ароматом мирры и можжевельника.

— Твоя нога, Семерхет, — сказала она мягко, но настойчиво, опустив взгляд на его пострадавшую голень. — Рана воспалилась. Нужно наложить мазь.
— Я могу сам… — начал было он.
— Сядь, — перебила она его. — Пожалуйста.

Он послушно опустился на каменную скамью, вырезанную в форме бычьего тела. Нехбет встала на колени перед ним. Ее пальцы, прохладные от густого масла, коснулись его голени. Боль, терзавшая его последние дни, начала отступать, сменяясь приятным жжением. Мазь была не простой — рецепт времен богов.

Семерхет смотрел на ее склоненную голову, на тонкую шею.

— Я боялся, — вдруг произнес он. Слова вырвались сами собой, словно прорвало плотину на Ниле. — Там, на скале, перед Владычицей Скорпионов. Я боялся не смерти.

Нехбет подняла на него глаза. В них плескалась глубокая, темная тревога, подобная водам этого озера.

— А чего же?

— Того, что я умру, так и не узнав, каково это — быть сильным. Быть не умирающим принцем, которого жалеют, а мужчиной, способным защитить тех, кто ему дорог.

Камен, который незаметно отошел к алтарю, делая вид, что изучает насечки на камне, обернулся.

— Ты прошел через выбор, друг мой, — сказал он серьезно. — Ты прыгнул в пасть к Матери Скорпионов, чтобы выиграть нам время. Ты уже не тот, что не видел смысла жизни ни для себя, ни для других. В твоих глазах с недавних пор появился огонь, он-то и нас ведет, но в первую очередь тебя.

— Камен прав, — Нехбет закончила перевязку и накрыла его ладонь своей. Ее рука была теплой и шершавой от работы, но это прикосновение было для Семерхета дороже всего золота дворца. — Сила измеряется не мощью тела, Семерхет. Сила в том, чтобы продолжать идти. И ты идешь.

Семерхет чувствовал, как внутри него, в том месте, где раньше жила только холодная пустота проклятия, разгорается робкий, но живой огонек.

— Спасибо, — прошептал он.

***

— Довольно лирики, — Камен хлопнул в ладоши, разрушая момент, но глаза его улыбались. — Тело мы омыли, раны смазали. Теперь нужно заняться душой. Моей бедной, истощенной душой.

Он подошел к центру зала, где в полу была вырублена глубокая чаша, окруженная желобами для стока крови жертвенных животных. Но сейчас крови не было. Это был древний концентратор *хекки* — место силы первых шаманов.

— Мне нужно время, — сказал Камен, становясь в круг. — Не пугайтесь. Выглядит это жутковато, но, поверьте, ощущения — как будто пьешь солнечный свет.

Камен поднял руки, ладонями к небу, и его голос зазвучал низко, вибрируя в такт с гулом пещеры. Он начал произносить слова на *Medu Neter* — языке богов, который знали лишь посвященные:

— *Инк Хекка! Инк Сах!* (Я есть Магия! Я есть Дух!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.